

ON THE LITERARY QUALITY OF “VOYAGE BEYOND THREE SEAS”

Korablev Alexander Alexandrovich^{1*}

Professor of Donetsk State University,
Donetsk, Russia.

(date of receiving: March, 2025; date of acceptance: July, 2025)

Abstract

The article examines the aspects and manifestations of the literature of Afanasy Nikitin's “Voyage beyond Three Seas”. Attention is drawn to some plot and semantic oddities (double narrative, commercial gaps, quality of information, linguistic means, text addressing, questions of faith, the fate of the author) that need an adequate explanation. The presence of literature in the text, where it is not provided for, determines two research strategies – cryptological and theoretical. In the first case, you should check the origin of the text, clarify the attribution of authorship. In the second case, the text of the “Voyage” appears as a material for a theoretical understanding of the nature of literary text generation. The cryptological approach captures the moments that can be reclassified from random to natural. The article argues that the ontological reason for the literariness of “Voyage beyond Three Seas” is a literary paradigm that acts transpersonally and determines the features of the emerging work. The traveler and author of travel notes Afanasy Nikitin, the historiographer Karamzin, the orientalist Senkovsky and many other famous and unknown personalities involved in the creative history and receptive tradition of one of the most significant and mysterious literary monuments of Russian culture deserve grateful and unbiased study.

Keywords: “Voyage Beyond Three Seas”, Literary Paradigm, Philological Cryptology, Literary Hoax, Afanasy Nikitin, Nikolai Karamzin, Osip Senkovsky.

1. E-mail: dikoepole@rambler.ru, dikoepole2@mail.ru; <https://orcid.org/0000-0003-1362-6283>

* Corresponding author

О ЛИТЕРАТУРНОСТИ «ХОЖЕНИЯ ЗА ТРИ МОРЯ»

Кораблев Александр Александрович^{1*}

Профессор Донецкого государственного университета,
Донецк, Россия.

(дата получения: март 2025 г.; дата принятия: июль 2025 г.)

Аннотация

В статье рассматриваются аспекты и проявления литературности «Хожения за три моря» Афанасия Никитина. Обращено внимание на некоторые сюжетные и смысловые странности (двойной нарратив, коммерческие лакуны, качество информации, языковые средства, адресация текста, вопросы веры, судьба автора), которые нуждаются в адекватном объяснении. Наличие литературности в тексте, где она не предусмотрена, предопределяет две исследовательские стратегии – криптологическую и теоретическую. В первом случае следует проверить происхождение текста, уточнить атрибуцию авторства. Во втором случае текст «Хожения» предстает как материал для теоретического осмысления природы литературного текстопорождения. Криптологический подход фиксирует моменты, которые могут быть перекалифицированы из случайных в закономерные. В статье высказывается тезис, что онтологическая причина литературности «Хожения за три моря» - литературная парадигма, которая действует трансперсонально и предопределяет особенности возникающего произведения. Путешественник и автор путевых записок Афанасий Никитин, историограф Карамзин, востоковед Сенковский и многие другие известные и неизвестные личности, причастные к творческой истории и рецептивной традиции одного из самых значимых и загадочных литературных памятников русской культуры, заслуживают благодарного и непредвзятого изучения.

Ключевые слова: «Хожение за три моря», литературная парадигма, филологическая криптология, литературная мистификация, Афанасий Никитин, Николай Карамзин, Осип Сенковский.

1. E-mail: dikoepole@rambler.ru, dikoepole2@mail.ru; <https://orcid.org/0000-0003-1362-6283>

* Ответственный автор

Введение

Основная тема рассуждений, представленных в этой статье, - литературная парадигматика, а не филологическая конспирология, как может показаться. Основная проблема – онтология литературности и, соответственно, расширение пределов и компетенций филологического познания, а методика криптоанализа привлечена как естественная когнитивная реакция на некоторые совпадения и странности в обстоятельствах написания и нахождения знаменитой рукописи XV века «Хождение за три моря».

Уточним, парадигматика литературных явлений выражается в системности разрозненных сходств. Системность литературной парадигматики проявляется во взаимосвязи формальных, содержательных или функциональных подобий, разделенных временем и пространством. Эта взаимосвязь может быть явной и неявной, непосредственной и опосредованной, объективной и субъективной, осознанной и интуитивной.

Вспомним, что история научного литературоведения – это процесс разработки и разграничения возможностей литературной верификации. Академическая наука XIX века разрабатывала методологию исследования типологического и генеалогического детерминизма, основанную на принципах жизненной-творческой взаимообусловленности. Параллельно, в XIX-XX вв., была обоснована и актуализирована *ионаучная* стратегия, преодолевающая ограничения доказательной каузальности. Сходство не перестает быть определяющим признаком, но утрачивает категоричность. В центре исследовательского внимания часто оказываются атипичные формы соответствий (мифологические, психические, эстетические и др.), вплоть до принципиальной акаузальности. В XXI в. сложно определить доминирующую тенденцию, но наблюдается распространение в разных формах парадигмального мышления, в котором сопрягаются целостность глобальных множеств и сложность единичных явлений.

«Хождение за три моря» рассматривается как пример имманентной литературности нехудожественного текста. Предстоит выяснить, чем обусловлена эта литературность: порождающим контекстом, инкорпорированным субтекстом или каким-либо иным текстопорождением. Теория литературы и филологическая криптология в этом отношении равно необходимы: одна позволяет выявлять объективные свойства литературности, другая помогает конкретизировать имена ее субъективности.

Основная часть

I. Литературность. – Зададимся простым вопросом: почему путевые заметки Афанасия Никитина, имея значение исторического и географического документа, рассматриваются как *литературный памятник*? Предварительный ответ очевиден: потому что среди других древнерусских и старорусских травелогов этот текст выделяется некоторыми особенностями, вызывающими художественное впечатление.

Литературность – это эстетическое качество словесности, наличие в текстовом сообщении дополнительной, внутренней, мирообразующей перспективы. Это заключенный в тексте эстетический потенциал формы и содержания, не обязательно реализованный, но побуждающий к реализации. «Хождение за три моря» в этом качестве представляет особый теоретический интерес как литературный памятник, который не предполагался быть таковым.

Расширяя теоретический контекст, приходится расширить и дефиницию литературности, определив ее как словесную форму художественной целостности, подразумевая, что целостность может быть не только художественной. Нехудожественная целостность сверхчеловечна: она присуща явлениям природы, жизни, истории. Нехудожественная целостность потенциально литературна – она побуждает к целостному восприятию и

творческому отношению читателя, интерпретатора или креатора. «Хожение за три моря» - классический пример такой порождающей целостности.

Изначальное отсутствие эстетической дистанции при восприятии «Хожения» по прошествии значительного времени компенсируется исторической ретроспективой. Проступающая в безыскусном и незамысловатом тексте целостность поглощает и эстетизирует его небрежности, несообразности и непритязательность. Художественность и цельность проявляются в его сюжетном движении и в общем плане открывающегося мира.

Сюжет традиционного путешествия жизнеподобен: это взаимосвязь событий и впечатлений, соединяющая начало и конец целенаправленного пространственного движения. Сюжет «Хожения за три моря» двойствен: в его основе – поездка купца Никитина, которая отражена в торговой логистике, товарной номенклатуре и не предполагает повествовательную персонализацию дорожных впечатлений. Превращение поездки в путешествие происходит в момент, когда коммерческая цель перестает быть актуальной (когда ограбленный купец лишается товара). В отличие от спутников, которые остановились в этом месте или вернулись назад, Никитин продолжил движение вперед, в неизвестность. Освобожденный от прагматической цели, его путь обретает цель в самом себе, а описание пути становится потенциально эстетическим относительно постигаемой действительности.

Наряду с трудностями путешествия, включающими и опасности для жизни, путь героя содержит и духовные испытания, которые с самого начала повествования осознаются как основные: «Се написах грѣшное свое хоженіе...» (Никитин 1958, 11). Это испытания своей веры и проблематизация своей идентичности. Чужие верования предстают путешественнику как новое и более сложное распутие, которое осознается как сверхразумное Единство: «Богъ единый, а то царь славы, творецъ небу и земли» (Никитин 1958, 20).

Образ героя, путешествующего одновременно земными и духовными путями, обладает потенциалом великих подвижников и первооткрывателей, ведомых своей судьбой. В испытаниях и в их изложении выразился характер путешественника – внешне спокойный, сдержанный, рассудительный, но внутренне способный на глубокие чувства и переживания. Совмещение в себе «своего» и «чужого» – того, что определяет его сущность, и того, что расширяет границы его сознания, придает этому образу универсальность архетипа, превращает его движение во времени и пространстве в общезначимую программу человеческого бытия.

Наконец, адресация никитинских «Хожений» тоже превышает целеполагания произведений этого жанра. Возможно, цель осложнялась последовательно: вначале записи для себя, затем – более упорядоченные – для вероятного заказчика, наконец, отредактированные – для всенародного чтения. Естественно, корректура и редактура производились уже не самим путешественником.

Адресация в большей степени, чем другие аспекты художественности, определяет литературность произведения, но литературность «Хожения за три моря» превосходит и конфессиональные регламенты. В авторском сознании концептуально соприкасаются четыре мировые религии: христианство, ислам, буддизм и иудаизм. И сам герой оказывается в ситуации перехода из одной религии в другую. Отношение Афанасия к иноверцам лояльное, заинтересованное. Возникает впечатление, что, благодаря расширению культурного кругозора, мышление Афанасия Никитина опережает воззрения соотечественников. Возможно, такой эффект вызван неидентичным переписыванием рукописи: время путешествия (XV в.) и время последних списков (XVII в.) разделяют два века.

Литературность никитинского «Хожения» объясняет многие странности этого текста, но в то же время и сама нуждается в некоторых объяснениях.

II. Странности. – Литературность формирует особую читательскую установку, при которой обычные в тексте странности и несообразности (умолчания, иносказания, условности и т.д.) воспринимаются как формы речи. При восприятии литературного произведения такая установка предполагается изначально и не требует специальных ухищрений. Поскольку текст «Хожения за три моря» не обладает такой презумпцией, то наблюдаемые и активно изучаемые в нем признаки литературности побуждают к литературоведческой рефлексии. Учитывая, что в «Хожении за три моря» наиболее явственным выражением литературности предстает сюжет, обратим внимание, прежде всего, на основные сюжетобразующие моменты.

Кем еще, как не купцом, мог быть путешественник в XV веке? Это мог быть завоеватель, мореплаватель, паломник. Но тогда это был бы совсем другой сюжет, с другими событиями и обстоятельствами, с другим взглядом на узнаваемое в пути и с другим летописным резонансом. Для компактного и смыслового литературного произведения купец Афанасий Никитин – идеальный образ: частный взгляд, расширяющийся до универсального (эпические события, драматичные ситуации, лирические переживания).

Как и подобает купцу, Афанасий обозначает свой путь торговыми точками, особо отмечая крупные ярмарки, указывает товары и выгоду. Странности начинаются, если прочитывать текст «Хожения» буквально – не как литературный памятник, а как исторический документ.

Двойной нарратив. – Оглядывая хождение Никитина в целом, с отдаленной временной дистанции, можно отчетливее видеть некоторые концептуальные скрепы, позволившие этому тексту выйти на уровень общезначимого культурного объекта. Если эта дистанция – следствие только исследовательского восприятия, тогда нет оснований не трактовать ее текстологически. Если же она представляет последствия работы переписчиков, тогда это проблема полисубъектности текста. «Хожение за три моря», как

установлено, полисубъектно, но, сверх того, оно двойственно в повествовательном плане. В нем отчетливо проступают две нарративные позиции, различающиеся удаленностью и близостью относительно излагаемых событий: «записная», фиксирующая жизнь, и «литературная», оформляющая ее в целостный текст.

Коммерция. – Записная позиция располагала читающего сблизиться с автором, помещая свою точку зрения рядом с авторской и вовлекаясь в повествование как в совместное путешествие в роли незримого спутника и соглядатая. При таком прочтении периодически может возникать неисполнимое намерение как бы заглянуть в несуществующие записи путешественника и попытаться понять то, что осталось невысказанным и невыраженным: некоторые мысли, чувства, состояния, ситуации... Например, довообразить, что должен чувствовать купец, чье коммерческое предприятие утратило смысл в самом начале, когда, пройдя таможи и препоны, его корабль с товаром был вчистую ограблен. Для сюжета это хорошо: теперь актуальны некоммерческие смыслы, но ему-то, идущему, надо же как-то жить дальше. Вопрос: на какие средства? Допустим, ему удалось утаить кое-какие ценности, но надолго ли их хватит? Хватило их на пять лет затратного заморского путешествия, включающего перемещения на кораблях, общение с местными вельможами и, опять же, с чиновниками и разбойниками, что зачастую одно и то же. Объяснения на этот счет кратки и неудовлетворительны: продал лошадь, еда дорогая... Но для *литературного текста* этих деталей вполне достаточно – остальное читатель домыслит сам.

Информация. – «Хождение за три моря» содержит не только коммерческую информацию, но также этнографическую, политическую, военную. Допустим, многое из перечисленного Никитин испытал сам и увидел лично, но некоторые сведения (например, о количестве и составе войск) сложно определить на глаз. Для литературного произведения это не проблема –

подобные сведения можно принять на веру или, в случае надобности, взять из книжных источников. Можно предположить, что эксклюзивную информацию Никитин получил от осведомленного собеседника. Но как? Для доверительного и содержательного диалога нужно и самому быть интересным, достойным и располагающим к себе человеком, а для этого, как минимум, нужно знать язык общения.

Языкознание. – Словно предвидя вопросы об источниках информации, автор «Хожения» демонстрирует знание языков непосредственно в своем тексте. Но вопросы остались: где и как он овладел языками? Вряд ли в Твери. Значит, уже на местах, в процессе общения. При скорой сообразительности и сноровке, наверное, это реально, хотя и непросто, особенно в отношении восточных языков. Незаурядность личности Афанасия Никитина упрощает признание в нем разнообразие талантов и достоинств, хотя и оставляет некоторые сомнения в окончательности и полноте такого объяснения.

Вера. – Вопрос о вере – один из самых дискуссионных среди интерпретаторов «Хожения». Сам герой осознает свое путешествие как испытание веры: «Иже кто по многым землямъ много плаваетъ, въ многыя грѣхы впадаетъ и въ рыся да лишаетъ христианские» (Никитин 1958, 23). Называние себя *грешным* может означать и степень религиозности (в соответствии с молитвой: «прости мя, грешного»). Описанный Никитиным случай несостоявшегося перехода в другую веру характеризует его как верного христианина, но, судя по тому, что заканчивается «Хожение» мусульманской молитвой, можно допустить, что переход мог и произойти.

Возвращение героя и смерть автора. – Мысль вернуться пришла герою знаменательно – в 5-й Великдень (Пасху) пребывания на чужбине, после чего началось его возвращение. Из летописного текста, сопровождающего список «Хожения», известно, что Афанасий Никитин умер по дороге к родной Твери, «не дошед» до Смоленска. Идеальная смерть для литературной биографии

путешественника: в ней и посмертный патриотизм, и мистический остракизм, и скрытая карма. А еще она сюжетна и эстетична: в ней замыкается и выполненная миссия, и жизненный круг – с долей недозавершенности и недосказанности. Эта смерть сняла неизбежность постсюжетных снижений, необязательных объяснений, добавляющих понятность, но рассеивающих ореол героики и тайны.

Как видим, странности «Хождения» не только устраняются литературностью, но и, возможно, обусловлены ею. Но тогда возникает вопрос: откуда ей взяться в этом тексте? «Рабище Афанасий» никакой не писатель, не ученый – разве что гений?

III. Публикация. – Как это нередко случается у произведений с необычной судьбой, исключительной значимостью и повышенной литературностью (например, «Слово о полку Игореве»), оригинал «Хождения за три моря» *утрачен*. Удивительно, что несколько столетий (XV, XVI, XVII и XVIII) столь значимый документ пребывал в неизвестности, пока его не обнаружил **Николай Михайлович Карамзин (1766-1826)**. А это, заметим и задумаемся, *писатель, историограф и путешественник*: – тот, кто мог по достоинству оценить литературное, историческое и географическое значения находки. Найденный документ доказывает, что честь литературного открытия Индии принадлежит России. Именно об этом писал Карамзин, предваряя публикацию «Хождения за три моря»:

«...оно доказывает, что Россия в XV веке имела своих Тавернье и Шарденей, менее просвещенных, но равно смелых и предприимчивых; что Индейцы слышали об ней прежде, нежели о Португалии, Голландии, Англии. В то время, как Васко де Гама единственно мыслил о возможности найти путь от Африки к Индостану, наш Тверитянин уже купечествовал на берегу Малабара и беседовал с жителями о Догматах их Веры» (Карамзин 1999, 224).

Если бы не авторитет Карамзина и не древность найденного списка, можно было бы, принимая во внимание государственную и национальную важность счастливой находки, заподозрить, что это мистификация. Как поступать исследователю в таких случаях, когда интуиция и логика оказываются в разладе? Наверное, позволить им выразиться более полно.

Репутация – сильный довод, но не сильнее фактов. А если прямых («упрямых») фактов нет, тогда условно-доказательную силу обретает совокупность косвенных фактов. То же относится и к совпадениям, на которые реагирует интуиция.

Если невозможно предположить, что почтенный классик и вельможа мог совершить подлог, даже из патриотических соображений, то почему не допустить, что он, не будучи профессиональным медиевистом, мог *ошибиться*, принимая искусную подделку за подлинник? Или, во славу государственности Российской, мог подсознательно или даже сознательно *обмануться*? Или, выполняя чью-то волю или подчиняясь некоторым обязательствам и настоятельным рекомендациям, а может, и собственному гению, у которого *особая этика*, он все же решился вставить в роскошный многотомный венец своего творчества великолепный, хотя и поддельный, бриллиант?

Если нечто подобное в силу каких-либо обстоятельств все же произошло, тогда, дорожа своей репутацией перед грядущими потомками, а более всего – перед истиной, «последний летописец» должен был бы оставить будущим читателям какой-нибудь тайный знак, разделяющий в его издании историю и литературу.

Отчасти это очевидно: текст Афанасия Никитина помещен как *приложение* к летописно-историческому тексту Карамзина. Таким же «приложением» к карамзинской «Истории государства Российского» могли бы стать и карамзинские «Записки русского путешественника» (1791-1792), если бы

фрагмент из них был помещен в соответствующем томе «Истории государства Российского». Это были бы два вектора личной истории русского подданного, обращенные на Восток и на Запад. Это была бы текстологическая эмблема, повторяющая двуглавый герб российской империи.

Литературность и самой «Истории государства Российского» допускает подобную метатекстуальность и символическую рецепцию, так что постановка вопроса об авторстве «Хождения за три моря» представляется уже излишней. Открывающийся в авторских зеркальностях исторический символизм достаточен для расширения фактологического смысла.

IV. Мистификация? – Литературные странности найденной рукописи и ее писательское представление вызывают не только эвристический, но и эстетический эффект открытия, а сверх того и впечатление рукотворной загадочности, какое возникает при восприятии литературной мистификации. У специалистов, непосредственно работающих с манускриптами, по-видимому, преобладают иные критерии подлинности – текстологические, графологические, спектральные и т.д., но иногда, в интересах истины и с целью более широкой верификации, бывает нелишним сторонний взгляд специалиста иного профиля или дилетанта, благодаря чему очевидное вдруг воспринимается как проблема.

Поставить вопрос о мистификации вовсе не означает выразить сомнение в подлинности документа. Это вопрос научного педантизма и теоретической вероятности. Это ракурс рассмотрения от обратного, когда яснее видна сила творческой закономерности, направляющая волю даже не творческой личности.

Отсутствие научной дискуссии не означает отсутствие проблемы, как и наоборот: дискуссия о подлинности «Слова о полку Игореве» не уронила славу этого памятника. Но «Хождение за три моря» почему-то не удостоилось серьезных научных сомнений. Из этого рецептивного факта может следовать не одно, а несколько умозаключений: если у академического сообщества нет

сомнений в подлинности найденного документа, значит, для этого нет оснований, потому что академики лучше всех знают текстологические критерии подлинности. Хотя, если подойти к этому вопросу с научной строгостью, нужно допустить, что эти критерии должны быть так же хорошо известны и возможному мистификатору. А если имеется хоть малая гипотетическая вероятность мистификации, то необходима и научная экспертиза, которая бы устранила все сомнения, если таковые возникли.

Разумеется, гипотетический мистификатор, в свою очередь, должен был учесть и предотвратить такую процедуру. Может быть, это совпадение, но словно из предосторожности документ был обнародован с *двойной защитой*, нейтрализующей самую необходимость доскональной верификации. Во-первых, это авторитет придворного историографа, который подвергался бы в случае проверки унизительным подозрениям. Во-вторых, это слава русского первопроходца, которую, в интересах государственного патриотизма, не следовало дискредитировать никакими «точками зрения». Даже в настоящее время, когда независимые и неостепененные интерпретаторы, обычно дилетанты, фантазируют на тему теневой истории «Хождения за три моря», установленная защита, охраняющая литературный памятник от интеллектуальных вандалов, продолжает работать.

Конфронтация академической науки и стихийной конспирологии заведомо обречена на взаимонепонимание, и можно было бы закрыть тему, не позволив ей как следует раскрыться, если бы не возможность литературно-игрового компромисса, не требующая однозначного и категоричного ответа, а просто вводящая в интеллектуальное пространство воображаемых возможностей. Воспользовавшись ничтожно малой вероятностью литературной подделки и предоставив специалистам устанавливать степень этой вероятности, литературный визионер пытается *вообразить*, как все происходило на самом деле.

По сути, это метод самого Карамзина: он воссоздавал воображаемую историю государства Российского, используя для своей концепции выразительные факты и находя художественные доказательства. С таким же успехом он создавал и образ самого себя – «последнего летописца». Литература и жизнь, искусство и история соприкасались и взаимопроникали в его сознании.

Воображение не безгранично, поскольку жизнеподобно, и в этом выражается его научный потенциал, его художественная доказательность. Можно вообразить, основываясь на представлениях о Карамзине, вероятность его поступков, но сложно представить его в чалме. Он европеец, несмотря на свою тюркскую фамилию. Возможно, он был не прочь восполнить свои познания и азиатской культурой, но вряд ли мог их продемонстрировать. Представляя соотечественникам «Хождение за три моря», он выступал как европейски ориентированный русский патриот, но то, что он представлял, требовало другого знания и другой ориентации.

Незнание – сильный довод, хотя и не освобождающий от ответственности. Во-первых, незнание относительно; во-вторых, непостоянно, в-третьих, восполняемо коллегиально. Если Карамзин, создавая литературную историю России сообразно ее имперскому статусу, а значит, соответственно интерпретируя и редактируя составляемый текст, почувствовал необходимость убедительнее представить ее всемирное значение, а для этого усилить восточный вектор, то ему понадобился бы знающий и незаангажированный консультант.

V. Юсуф. – Если в рассматриваемом деле незнание – почти алиби, то знание – почти улика. Если компетентности Карамзина недостаточно, чтобы стилизовать старинное путешествие по заморским странам, то у кого из современников была для этого достаточная компетенция? Загадка, в общем-то, проста: это должен быть знаток восточных древностей, владеющий

восточными языками, способный к литературному творчеству и склонный к мистификациям.

Ответ тоже прост: это *Осип Иванович Сенковский (1800-1858)*, ученый-востоковед, профессор Санкт-Петербургского университета, а также популярный писатель и прославленный мистификатор. Кроме того, и это существенное дополнение к его основным качествам, он путешественник: бывал в Турции, Сирии, Египте, Нубии, Эфиопии (1819-1821), о чем рассказал в путевых заметках («Письмо из Каира», «Посещение пирамид», «Путешествие в Нубию и Верхнюю Эфиопию», «Возвратный путь из Египта, через Архипелаг»), воспоминаниях («Эбсамбул. Нубийские сцены», «Воспоминания о Сирии»), в повестях и поэмах, переведенных с восточных языков («Бедуин», «Витязь буланого коня», «Деревянная красавица», «Истинное великодушие», «Урок неблагодарным» и др.). Вызывает интерес у Сенковского, в частности, *индийская тема*: «Что такое люди!» (1832), «Похождения одной ревижской души» (1834). А еще примечательны его *фантастические путешествия*, где правда перемежается с вымыслом, а серьезность с сарказмом («Поэтическое путешествие по белу свету», «Ученое путешествие на Медвежий Остров», «Сентиментальное путешествие на гору Этно» и др.).

Кто, как не он, Осип Сенковский, ученый литератор и литературный критик, путешественник и путеводитель, пересмешник, предстающий в разных обличиях (Барон Брамбеус, Тютюнджю-Оглу-Мустафа-Ага, А. Белкин, П. Снегин и др.), способен был сочинить правдоподобную стилизацию заморского путешествия? Вроде бы нет никого другого, в ком необходимые для этого дела качества сочетались бы так счастливо.

Имеются, разумеется, и контрдоводы, как же без них, и самый разрушительный – возраст мистификатора. Слишком молод был Осип Иванович, когда был обнародован текст «Хожения за три моря»: было ему в это время всего 18 лет.

Не пытаясь отстоять столь фантастическую гипотезу, а только ради доскональности аргументации, обратим внимание, что Осип Иванович был рано созревший юноша. Экзаменуя 22-летнего Сенковского, академик Х.Д. Френ, имевший репутацию одного из лучших ориенталистов Европы, написал в отзыве, что знания молодого человека возбудили в нем столько же удивления, сколько и удовольствия, а в разговорном языке, по признанию мэтра, он не мог даже меряться с ним (Савельев 1858, XXIV). После столь успешного собеседования в 1822 году Сенковский возглавил сразу две кафедры Санкт-Петербургского университета – арабского и турецкого языков.

Словом, у Сенковского были и знания, и амбиции, и азарт, и внутренняя свобода, чтобы осуществить мистификацию века, из чего, разумеется, еще не следует, что он ее осуществил или хотя бы помышлял осуществить. Кроме того, кроме субъективных возможностей должны быть и объективные, а их нет. Почти нет, если допускать к рассмотрению и криптологические доводы.

Например, принятая атрибуция автора «Хождения за три моря» странным образом оказывается созвучна именам предполагаемых мистификаторов: **Никитин** – **Николай Карамзин**; **Иосиф** (Осип) – **Афанасий («Офанасий»)**. Более того, во время путешествия по Востоку Иосиф Сенковский, как и «Афанасий Никитин», именовал себя **Юсуф**.

Итак, определимся: прямых доказательств мистификации у нас нет, косвенные – амбивалентны, их вероятность – типологична, но герои – атипичны. Имманентная литературность рассматриваемого текста побуждает предполагать либо литературную одаренность автора, либо последующую литературную редактуру, либо изначальную литературную мистификацию. Все три варианта в большей или меньшей степени допустимы, как и все три рассматриваемые автора могут быть в большей или меньшей степени причастны к возникающему впечатлению.

Академический подход признает наличие литературной обработки текста «Хожений» (некоторые вставки, изъятия, исправления и т.п.), но в пределах авторской аутентичности (Трубейской 1983). Криптологический подход предполагает уточнение авторской атрибуции на предмет подлинного или дополнительного авторства. В отличие от категорического академического «это невозможно», криптология формулирует свой вердикт мягче: «это маловероятно».

IV. Мистификация мистификации? – Допустим, доверяя упрямым фактам, мы согласимся, что никакой мистификации «Хожения за три моря» не было и быть не могло. Можно даже заключить, что востоковед Сенковский вообще не знал или не хотел знать о существовании какого-то неудачного купеческого «хожения», по крайней мере, не придавал ему преувеличенного значения, которое бы затмевало его собственную славу отечественного первопроходца восточных земель. Но можно ли допустить, что на волне ажиотажа, вызванного публикацией восьми томов карамзинской «Истории», и в первую очередь, конечно, из профессионального интереса он *не* прочитал опубликованный фрагмент «Хожения»? Мог ли он, реагируя на всякую литературную мелочь, никак не отреагировать на эту находку? Не написать отзыв, рецензию, статью? Кому, как не ему об этом написать, ведь он совершил *такое же* путешествие и оставил о нем *такие же* записки.

Если хотя бы часть этих допущений хотя бы частично верна, это могло бы стать обоснованием и объяснением остроумной пародийно-фантастической повести Сенковского с характерным названием «Ученое путешествие на Медвежий Остров» (1833). Два ученых, барон Брамбеус и доктор философии Шпурцманн, не только добрались до Медвежьего Острова и достигли пещеры с загадочными письменами, но и расшифровали их, явив миру сенсационную историю *допотопной* России. Не придавая этому совпадению преувеличенное значение, все же отметим, что, по существу, в нем выражен тот же

патриотический пафос, что и в предисловии Карамзина к публикации «Хожения», но, конечно, в сниженно-ироническом смысле, поскольку самообман ученых вскоре обнаруживается, когда они более внимательно всмотрелись в стены пещеры и увидели, что *никаких иероглифов на ней нет* – это игра природы.

Так кто же эти ученые? Ясно же, что у таких образов должны быть прообразы. И назвать их не составляет труда, потому что они упомянуты в самой повести: выдающиеся французские ученые Ж. Кювье (1769-1832) и Ж.-Ф. Шампольон (1790-1832), оба умершие в 1832 году, что, по-видимому, и побудило российского пересмешника почтить их кончину столь необычным некрологом. Возможно, звучный титул «барон», добавленный к фамилии «Брамбеус», возник вследствие соотнесения этого псевдонима с *бароном* Кювье.

С не меньшей вероятностью можно также заключить, что в «Ученом путешествии...» осмеяны не только французские ученые, но и германские, на что указывает фамилия Шпурцманн. Несложно предположить, что имеется в виду известный ученый, один из основоположников френологии И.Г. Шпурцгейм (1776-1832), который скончался в том же 1832 году. Соответственно, надо полагать, пару с ним составляет его учитель Ф.Й. Галль (1758-1828).

Наконец, наибольший интерес должна вызывать российская пара ученых, уже потому, что «барон Брамбеус» - псевдоним автора, причем настолько известный, что затмил его фамилию. Не исключено, что ради этой авторской манифестации и задумывалось произведение, в котором рассказывается «фантастическая» история о фальсификации русской истории.

Сюжет повести выдержан в тех же пропорциях общего и частного. *Ученое путешествие* – это метафора научного исследования, основанная на конкретных примерах. Его высшая цель – открытие чего-то нового: знания,

понимания, явления, видения. Открытия подразумеваемых в повести иностранные коллег впечатляют: расшифровка египетских иероглифов, реконструкция доисторических животных, характерология черепа. Но какое открытие может предъявить миру Сенковский? Изобретенный им оркестрион? Или свои «фантастические путешествия», в которых он пытается *закрывать* прославленные научные открытия? Барон Брамбеус, творческое порождение Сенковского, должен был, шутя и ерничая, сокрушить научные авторитеты современников, несмотря на их звания, знания, методологию, терминологию и т.д., но в итоге разрушил научную репутацию своего творца.

Может, сюжет о двух ученых был прочитан и понят недостаточно внимательно? Может, в нем содержится что-то еще, кроме общей проблематики? Нет ли в описанном путешествии чего-то конкретного, авторского? Например, дело, которое их на время объединило. Один – вдохновенно переводит, другой – увлеченно записывает. О чем это? Чтобы ответить на эти вопросы или хотя бы прояснить их подоплеку, нужно разгадать, кто из российских коллег Сенковского мог бы составить в повести компанию барону Брамбеусу в образе доктора Шпурцманна.

Думается, логично допустить, что фамилия «Шпурцманн» содержит еще какое-то значение, кроме созвучия или анаграмматического сходства с фамилиями «Шпурцгейм» и «Шампольон». Чтобы не менять принцип декодировки, можно попробовать видоизменить именование этого персонажа. Самое простое и естественное – заменить его первую, определяющую часть (потому что вторая является опорной: «mann» - «человек»). Например, слово «Шпурц» («spurz») заменить на созвучное ему «Шварц» («schwarz»), и тогда маловразумительное «Шпурцманн», преобразованное в «Шварцманн», будет иметь значение «черный человек», вызывая закономерную ассоциацию с этимологией фамилии Карамзина – «кара мурза» - «черный князь».

Заключение

Итак, разумеется, эти допущения и возникающие совпадения если что-то и доказывают, то лишь наличие некоторой минимальной вероятности, что их доказательность может возрасти по мере их накопления и по степени их системности. Системность образует смысловой контур, который удостоверяет реальность воспринимаемого феномена.

Литературность – свойство специфической системности, обусловленной не только каузальными и парадигмальными обстоятельствами, но и целостностью авторского высказывания. Поэтому признаки литературности в текстах, где она не предусмотрена, должны вызывать у исследователей повышенный интерес и особенное, корректирующее внимание.

Литература

- 1- Афанасий Никитин (1958). *Хождение за три моря // Хождение за три моря Афанасия Никитина. 1466-1472 гг.* Москва; Ленинград: Изд-во АН СССР. С.11-30.
- 2- Гоголь Н. В. (1951). *Полное собрание сочинений в 14 томах*, Москва; Ленинград: Изд-во АН СССР, Т. 4.
- 3- Карамзин Н.М. (1897). *Письма Н.М. Карамзина к князю П.А. Вяземскому. 1810-1826*, Санкт-Петербург. – С.92.
- 4- Карамзин Н.М. (1999). *История государства Российского*, Т.6, Москва: Изд-во «Наука».
- 5- Савельев П. (1858). *О жизни и трудах О.И. Сенковского, Сенковский О.И. Собрание сочинений в 9 томах*, Санкт-Петербург, Т.1, С. XI-CXII.
- 6- Сенковский О.И. (1858). *Похождение одной ревижской души, Собрание сочинений в 9 томах*, Санкт-Петербург, Т.3. С.3-78.
- 7- Трубецкой Н.С. (1983). *Хождение Афанасия Никитина как литературный памятник // Семиотика*. М., С. 435-461.

Bibliography

- 1- Afanasii Nikitin (1958). *Khozhenie za tri moria // Khozhenie za tri moria Afanasiia Nikitina. 1466-1472 gg.* Moskva; Leningrad: Izd-vo AN SSSR. S.11-30.

- 2- Gogol' N. V. (1951). *Polnoe sobranie sochinenii v 14 tomakh*, Moskva; Leningrad: Izd-vo AN SSSR, T. 4.
- 3- Karamzin N.M. (1897). *Pis'ma N.M. Karamzina k kniaziu P.A. Viazemskomu. 1810-1826*, Sankt-Peterburg. – S.92.
- 4- Karamzin N.M. (1999). *Istoriia gosudarstva Rossiiskogo*, T.6, Moskva^ Izd-vo «Nauka».
- 5- Savel'ev P. (1858). *O zhizni i trudakh O.I. Senkovskogo, Senkovskii O.I. Sobranie sochinenii v 9 tomakh*, Sankt-Peterburg, T.1, S. XI-CXII.
- 6- Senkovskii O.I. (1858). *Pokhozhdenie odnoi revizhskoi dushi, Sobranie sochinenii v 9 tomakh*, Sankt-Peterburg, T.3. S.3-78.
- 7- Trubetskoi N.S. (1983). *Khozhenie Afanasiia Nikitina kak literaturnyi pamiatnik // Semiotika*. M., S. 435-461.

HOW TO CITE THIS ARTICLE

Korablev Alexander Alexandrovich (2025). ON THE LITERARY QUALITY OF “VOYAGE BEYOND THREE SEAS”. *Issledovatel'skiy Zhurnal Russkogo Yazyka I Literatury*, 13(2), 11-32.

DOI: 10.61186/IARLL.26.1

URL: <https://www.journaliarll.ir/index.php/iarll/article/view/360>

بررسی جنبه‌های ادبی «گذر از سه دریا»

آکساندر آلکساندروویچ کارابلیوف^{*1}

استاد دانشگاه دولتی دانتسک،

دانتسک، روسیه.

(تاریخ دریافت: مارس ۲۰۲۵؛ تاریخ پذیرش: ژوئیه ۲۰۲۵)

چکیده

در این مقاله ابعاد و جلوه‌های ادبی «گذر از سه دریا» اثر آفاناسی نیکیتین بررسی می‌شود. توجه ویژه‌ای به برخی شگفتی‌ها و ناسازگاری‌های روایی و معنایی (دوگانگی روایت، خلأهای تجاری، کیفیت اطلاعات، ابزارهای زبانی، مخاطب متن، مسائل ایمان، سرنوشت نویسنده) شده است که نیازمند توضیحی دقیق و مناسب‌اند. حضور ادبیت در متنی که اساساً برای آن پیش‌بینی نشده بود، دو رویکرد پژوهشی را پیش می‌نهد: رویکرد رمزکاوانه و رویکرد نظری. در حالت نخست، لازم است خاستگاه متن بررسی و نسبت آن با نویسنده روشن گردد. در حالت دوم، متن «سفرنامه» به‌مثابه ماده‌ای برای تبیین نظری ماهیت زایش متن ادبی در نظر گرفته می‌شود. رویکرد رمزکاوانه لحظاتی را برجسته می‌کند که می‌توانند از رخدادهای تصادفی به الگوهای معنادار تبدیل شوند. در مقاله این فرض مطرح می‌شود که علت هستی‌شناختی ادبیت «گذر از سه دریا» همان پارادایم ادبی است که به‌صورت فرا موقعیتی عمل کرده و ویژگی‌های اثر پدیدآمده را از پیش رقم می‌زند. جهانگرد و نویسنده سفرنامه، آفاناسی نیکیتین، تاریخ‌نگار کارامزین، خاورشناس سنکوفسکی و بسیاری دیگر از شخصیت‌های شناخته و ناشناخته که در تاریخ خلاقه و سنت پذیرش یکی از مهم‌ترین و رازآمیزترین یادمان‌های ادبی فرهنگ روسی نقش داشته‌اند، شایسته مطالعه‌ای سپاسگزارانه و بی‌طرفانه هستند.

واژگان کلیدی: «گذر از سه دریا»، الگوی ادبی، رمزشناسی زبان‌شناختی، ابهام‌آفرینی ادبی، آفاناسی نیکیتین، نیکالای کارامزین، اوسپ سنکوفسکی.

1. E-mail: dikoepole@rambler.ru, dikoepole2@mail.ru; <https://orcid.org/0000-0003-1362-6283>

* نویسنده مسئول

نوع مقاله: علمی- پژوهشی